

Г.В. Есипов

Люди старого века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г.В. Есипов**
Люди старого века / Г.В. Есипов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 448 с.

ISBN 978-5-4241-5582-6

Люди старого века. Рассказы из дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи.

ISBN 978-5-4241-5582-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

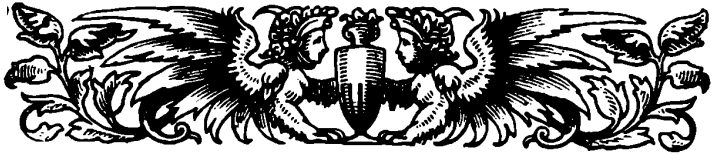
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОЛДОВСТВО ВЪ XVII и XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

(ИЗЪ АРХИВНЫХЪ ДѢЛЪ).

АРХИВНЫЯ дѣла сохранили намъ много свѣдѣній о колдовствѣ, волшебствѣ, заговорахъ, гаданьяхъ и пророчествахъ. Подробное изслѣдованіе о томъ, когда, откуда, въ какой формѣ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ пришли къ намъ эти темныя проявленія заблужденія человѣческаго разсудка, какъ они развивались и усвоивались нашимъ народнымъ бытомъ, какія причины и обстоятельства дали такую живучесть этимъ заблужденіямъ, что мы ихъ встрѣчаемъ еще и въ наше время, — это изслѣдованіе можетъ быть предметомъ обширнаго ученаго труда. Въ настоящей же статьѣ, составленной на основаніи архивныхъ дѣлъ, мы имѣемъ цѣлью познакомить читателей съ такими дѣлами о нашихъ доморощенныхъ колдунахъ и волшебникахъ XVII и XVIII столѣтій, въ которыхъ довольно подробно рисуется бытовая сторона того времени.

I.

Чародѣй Сѣмонъ Даниловъ и бояринъ Семень
Луқьяновичъ Стрѣшневъ.

До Петра Великаго убѣжденіе въ силу колдовства, въ связи съ религіозными вѣрованіями и при отсутствіи всякаго образованія, было принадлежностію всего Русскаго народа, начиная отъ царя до послѣдняго холопа. Всѣ боялись и всѣ вѣрили въ чародѣйство. Боялись потому, что если чародѣйство могло излѣчивать болѣзни, могло располагать человѣка, чтобы добръ былъ, точно также оно могло и морить людей, и дѣлать недобрыми. Вѣрили потому, что большинство чародѣевъ или колдуновъ дѣйствовало заговорами, въ которыхъ призывались на помощь святыя церкви, а такія средства не шли въ разрѣзъ съ религіозными убѣжденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что, живя съ природою, при отсутствіи всякихъ медицинскихъ свѣдѣній и пособій, въ народѣ были извѣстны многимъ разныя травы и разныя средства къ лѣченіямъ; но эти многіе, а можегъ быть и немногіе, изъ личныхъ выгодъ, скрывали то, что они знали и чѣмъ лѣчили, обстанавливая свое лѣченіе таинственными пріемами, какъ-то: напощиваніемъ, наговариваніемъ различныхъ непонятныхъ словъ, или цѣльныхъ заговоровъ... Секреты свои передавали не многимъ, и эти продолжали тоже фокусничество. А между тѣмъ болныя излѣчивались, — и вѣра въ колдуна утверждалась. Его берегли и рѣдко выдавали правительству. Такъ было среди народа, — но при дворѣ царскомъ жизнь и здоровье государя охранялись зорко, и малѣйшій посту-

покъ, который могъ привести къ сомнѣнію о колдовствѣ. вызываль строгое преслѣдованіе.

Въ іюлѣ 1647 года царь Алексѣй Михайловичъ жилъ въ Коломенскомъ. Приказный человѣкъ, т. е. управитель села Коломенскаго, Иванъ Алексѣевъ, 18-го іюля донесъ боярину и дворецкому, князю Алексѣю Михайловичу Львову, что въ селѣ Коломенскомъ живетъ какой-то крестьянинъ Симонъ Даниловъ, за которымъ прѣзжаютъ всякіе люди, куда-то его увозятъ, а для чего—того онъ не вѣдаетъ.

Приказный человѣкъ зналъ очень хорошо, кто Симонъ Даниловъ, кто за нимъ прѣзжаетъ, но не смѣлъ высказаться подробно въ донесеніи, потому что въ дѣлѣ былъ замѣшанъ любимый бояринъ царя Алексѣя Михайловича Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ.

По доносу приказнаго человѣка крестьянина Симона Данилова подстерегли, схватили и привели къ допросу передъ дворцоваго князя Львова.

Симонъ былъ обвиняемъ въ колдовствѣ—сначала онъ отпирался, но на пыткѣ сознался откровенно и разсказалъ:

«Онъ, Симонка, и жена его Оринка многое вѣдомство и шептанье, и чародѣйство, и ворожбу дѣлали во многихъ домахъ; у Семена Лукьяновича Стрѣшнева, вѣдомствомъ своимъ и шептаньемъ, и кореньемъ лѣчили людей — Сережеу Нѣмчинова да Мишку Трубача отъ падучей болѣзни и псарскихъ робятъ; а въ подмосковной Стрѣшнева деревнѣ на Черной Грязи лѣчили лошадей и изъ конюшни дьявола выгоняли травами и кореньемъ и ворожбою съ наговоры и, въ воду положи коренья и травы, приговаривали многія свои вѣдомскія

слова и воду крестили своею рукою по трижды и кореньемъ, и травами тѣхъ. Семеновыхъ людей окуривали, и водою окачивали, и спрыскивали, и то Семень вѣдалъ и въ тѣ поры самъ тутъ былъ. Дьяволовъ выгонялъ при Семенѣ Стрѣшневѣ и на Московскій дворъ къ Стрѣшневу ходилъ и въ деревню на Черную Грязь прѣзживалъ и прихаживалъ по часту, и жена его Оринка бывала у жены Стрѣшнева, да и въ селѣ Коломенскомъ у Семена Стрѣшнева бывалъ же, и Стрѣшневъ его виномъ паивалъ. А началъ онъ ходить къ Стрѣшневу на дворъ и съ нимъ знаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ Серезку лѣчилъ,—тому осьмой годъ. Заговорамъ учился какъ онъ былъ въ донскихъ казакахъ — тому лѣтъ съ десять, а училъ его донской казакъ Дружинко Бѣловъ, который уже умеръ; положи въ воду коренья и травы: матуль и папортникъ, онъ, Симонъ, призывалъ всѣхъ святыхъ, да тутъ же приговаривалъ: зори, орлы и вороны, и рыбы, и звѣри, и воду крестилъ своею рукою трижды и говорилъ по трижды аминь; а кореньемъ и травами окуривалъ тѣхъ людей, которыхъ лѣчилъ, и водою по хоромамъ прыскалъ, чтобъ черти бѣгали“...

Дѣти его, Егупка, Гришка и Митька, показали тоже что и отецъ. Жена Симона еще прибавила, что Стрѣшневъ и жена его присылали къ ней въ село Коломенское людей своихъ съ просьбою, чтобъ Симонъ и жена его приворотили королевича, — чтобъ онъ женился на государынѣ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Орина отказала, говоря: „что ее столько не будетъ“. Научилъ ее, Орину, ворожить мужъ. „Наговорами лѣчила она малыхъ дѣтей, травою папортникъ, а приговаривала и призывала на помощь всѣхъ святыхъ и, наговоря ту траву,

въ воду кладывала и, положи въ воду, по трижды своею рукою крестила и говорила аминь по трижды же; да у нея же есть отъ грыжи, и отъ ворочуши, да отъ черной немочи и отъ иныхъ болѣзней травы: боль-цвѣтокъ да девесиль“.

Дѣло было отдано на обсужденіе боярской думы и доложено царю, и Алексѣй Михайловичъ черезъ Дворецкаго объявилъ Стрѣшневу слѣдующее свое рѣшеніе:

„Ты, Семень, вѣдалъ все и то все ты, Семень, дѣлалъ, преступивъ государево крестное цѣлованье и забывъ Бога и его государскую премногую къ себѣ милость, былъ ты при его государевѣ милости въ ближнихъ людяхъ и пожалованъ кравчимъ съ путемъ своимъ своею мѣры, чего былъ ты и недостойнъ; которые бывали и великіе господа въ кравчихъ и такую честью путемъ были не пожалованы; а ты, Семень, преступя государево крестное цѣлованье, забылъ Бога и его государскую премногую къ себѣ милость, съ такими злыми вѣдуны Симонкомъ Даниловымъ да съ жонкою Оринкою знался многіе годы и на Московскій твой дворъ и въ подмосковскую деревню къ тебѣ прїѣзжали и въ селѣ Коломенскомъ у-тебя бывали многажды, а государево пришествіе въ село Коломенское бываетъ по часту, и ты, Семень, государево здоровье не остерегалъ и государю про такихъ злыхъ вѣдуновъ не извѣстилъ и самъ съ ними знался многіе годы и по ся мѣсто ихъ укрывалъ; а ты, Семень, и самъ при государѣ и при боярехъ такое слово говаривалъ: кто съ вѣдунами знается, и тотъ-де достоинъ смерти, и то ты, Семень, говаривалъ воровски, лестью, забывъ его государево крестное цѣлованье, а нынѣ то сыскалось подлинно, что ты съ

такими злыми вѣдунами знался самъ многою годы, и государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси и бояры, слушавъ тѣхъ распросныхъ и пыточныхъ рѣчей, приговорили бояре за то твое воровство тебѣ, Семену, учинить жестокое наказаніе и сослать въ дальніе сибирскіе города въ тюрьму, и государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси на милость положилъ пожаловалъ: наказанья жестокаго тебѣ, Семену, учинить и въ дальніе сибирскіе города въ тюрьму сослать не велѣлъ, а велѣлъ тебя, Семена, послать на Вологду и быть на князь Иванова мѣстѣ Черкаскаго“.

Замѣчательнъ отвѣтъ Стрѣшневъ царю, записанный въ дѣлѣ: „И Семенъ Стрѣшневъ, выслушавъ сказки, поклонился въ землю и молвилъ: на государской милости челомъ бью, что государь его пожаловалъ жестокаго наказанья учинить и въ дальніе сибирскіе города въ тюрьму сослать его не велѣлъ, и говорилъ: въ томъ-де воленъ Богъ да государь, стражу-де и гнѣвъ государской приимаю за свое согрѣшеніе къ Богу, а милости у государя прошу, чтобъ-де государь пожаловалъ велѣлъ быть въ Баконѣ деревнѣ хотя и за приставомъ, а съ такое-де государево дѣло его Семена не будетъ, что-де онъ человекъ молодой, у государевыхъ дѣлъ нигдѣ не бывалъ и чтобъ-де государеву дѣлу его простотою какая прорука не учинилась“.

II.

Колдовство на царя Феодора Алексѣевича и на царя Петра Алексѣевича.

Во время Стрѣлецкаго бунта 1682 года колдовство было пущено въ ходъ для усиленія народнаго волненія, съ помощью котораго царевна Софья Алексѣевна слабоумнаго и болѣзненнаго царевича Іоанна Алексѣевича посадила на престолъ рядомъ съ Петромъ, а сама сдѣлалась правительницею государства. Еще при жизни царя Феодора Алексѣевича, въ 1681 году, въ народѣ ходила молва, что царь былъ испорченъ какою-то бабою вѣдуньей, и этотъ слухъ снова распространился при самомъ разгарѣ Стрѣлецкаго бунта. 17 мая 1682 года, на Красной площади, народъ искалъ этой бабы, и сотни челобитчиковъ явились передъ Стрѣлецкимъ приказомъ съ требованіемъ отыскать ее. Явился дощикъ—какъ послѣ оказалось, соперникъ этой бабы въ лѣченьи и колдовствѣ—поморецъ Евтюшка Марковъ. Онъ объявилъ, что знаетъ эту бабу: живетъ она на Поварской улицѣ, и онъ ее найдетъ. Съ толпою стрѣльцовъ отправился Евтюшка въ Поварскую улицу и привелъ старуху въ приказъ Стрѣлецкій, передъ боярина Василя Семеновича Волынскаго. Баба эта была жена водопроводныхъ дѣлъ мастера Ивана Яковлева, звали ее Мареушкою. Она объявила, что Евтюшку не знаетъ, никого не лѣчила, царя Феодора Алексѣевича не портила, и такое великое и страшное дѣло и не мыслила, и волшебства о порчѣ не знаетъ. На пыткѣ ей дали 32 удара кнутомъ, но она твердила все то же. 31-го мая стрѣльцы снова подали

челобитную, чтобъ бабу еще пытатъ при нихъ и жечь огнемъ накрѣпко, потому что она при первой пыткѣ не созналась — „знатно, что отъ пытки оттерпѣлась чародѣйствомъ своимъ“. Марѳушку повели опять въ застѣнокъ, подымали на дыбу, били кнудомъ и жгли огнемъ. Она повторила, „что царя Θεодора Алексѣевича не портила и волшебства, и чародѣйства не знаетъ, только наметывала горшки Чаплыгинскимъ невѣстамъ—и больше того ничего не знаетъ“. Несчастливая баба не выдержала пытки на огнѣ и умерла. Доносчикъ поморецъ Евтюшка послѣ ея смерти былъ освобожденъ.

Прошло 17 лѣтъ. 2-го декабря 1699 г. чрезъ Спасскія ворота изъ Кремля вели преступниковъ на смертную казнь. Окруженные солдатами, они шли съ цѣпями на рукахъ и ногахъ и съ зажженными свѣчами. Толпа народа слѣдовала за несчастными, бабы и дѣвки по обыкновенію выли и визжали; на Спасскомъ мосту безмѣстные попы, ожидавшіе тутъ приглашеній на службу въ боярскіе дома, провожали преступниковъ пѣніемъ „со святыми упокой“! Нѣкоторые преступники отвѣчали имъ бранью и гремѣли цѣпями, показывая кулаки. Всѣхъ осужденныхъ на казнь было человекъ десять; они были осуждены за разбой и убійства; начальникъ ихъ Оедька Малютинъ и въ эту минуту шелъ впереди—товарищи даже и передъ смертью давали ему почетъ. Оедька Малютинъ шелъ спокойно, какъ будто не на смерть, а по временамъ оглядывалъ народъ съ какою-то злобною улыбкою. Только что вышла эта толпа на Красную площадь, какъ Оедька Малютинъ закричалъ „слово и дѣло“! Солдаты остановились — народъ разбѣжался въ стороны. Крикъ „слово и дѣло“ разогналъ

всѣхъ, Это было страшное слово! извѣстно, что кто слышалъ эти слова и не доносилъ, подвергался пыткамъ и наказанію. Народъ разбѣжался—явились еще солдаты съ караула у Спасскихъ воротъ, и преступниковъ повели въ Преображенскій приказъ для допроса и слѣдствія. Для нихъ все дѣло было во времени — изъ Преображенскаго можно еще бѣжать и спасти свою жизнь.

Федька Малютинъ былъ человѣкъ опытный: во время Стрѣлецкаго бунта 1698 года онъ побывалъ въ Преображенскомъ приказѣ, доносилъ тамъ на стрѣльцовъ, которые были казнены по его доносу, и за правый доносъ получилъ въ награжденіе 5 рублей и свободу. При стрѣлецкихъ розыскахъ Федька узналъ многія подробности объ отношеніяхъ царевны Софьи и ея женской прислуги къ стрѣльцамъ; онъ слышалъ и видѣлъ, какъ жестоко преслѣдовали всѣхъ знакомыхъ съ постельницами царевны; онъ понялъ, какое значеніе могло имѣть въ то время обвиненіе въ колдовствѣ на царскій домъ—и, съ твердымъ убѣжденіемъ спасти себя и товарищей отъ смертной казни, спокойно предсталъ предъ грознаго князя Федора Юрьевича Ромодановскаго.

Слово и дѣло по доносу Федьки Малютина объяснилось въ слѣдующемъ его разказѣ въ Преображенскомъ приказѣ:

„Тому съ годъ времени онъ пришелъ въ Ордынскую улицу, на дворъ дьяка Леонтія Кмешина, къ дворнику Евтюшкѣ Маркову, просить лѣкарства отъ зубовъ, и въ то время у Евтюшки была постельница, съ которою Евтюшка говорилъ невѣдомо что тайно, и поминала она, постельница, имя государево не вѣдомо для чего. А жена его, Евтюшки, сказывала ему, Федькѣ:

мужь-де ея той постельницѣ далъ два кусочка вощечку и велѣлъ прилѣпить, а гдѣ и для чего, того не вѣдаетъ, а вѣдаютъ про то тотъ дворникъ и жена его. Онъ же, Евтюшка, въ прошлыхъ годахъ хаживалъ въ дѣвичій монастырь (гдѣ содержалась царевна Софья) къ старицамъ Панфилѣ и къ Еленѣ, и когда Елена послана въ ссылку, онъ, Евтюшка, въ то число скрылся. Да и ему, Оедькѣ, какъ онъ жилъ у торговаго иноземца Фрея, онъ, Евтюшка, давалъ травы и велѣлъ, зашивъ у кафтана въ вороту, носить для того, тотъ-де хозяинъ твой будетъ до тебя добръ. И онъ, Оедька, ему, Евтюшкѣ, отказалъ, говоря: тотъ-де хозяинъ до меня и такъ добръ. У него же, Евтюшки, жилъ крестьянинъ Салтыкова Алешка Ивановъ въ волшебномъ дѣлѣ и еще пуще его, Евтюшки, и про то волшебное дѣло Алексѣя сказывалъ ему самъ Евтюшка. Про волшебство Евтюшки знаетъ крестьянинъ Ивашко Оедоровъ, который съ нимъ живетъ вмѣстѣ. О волшебствѣ Евтюшки сказывали ему Оедька и жена Евтюшки“.

Донось Оедьки Малютина былъ очень хорошо обдуманъ. Постельницѣ шепчутся тайныя слова и поминается имя государя, дается воскъ налѣпить куда-то. все это дѣлается волшебникомъ, посѣщающимъ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ содержится царевна Софья и т. д., и все это въ то время, когда разслѣдованіе Стрѣлецкаго бунта продолжалось еще такъ дѣятельно, когда всякіе намеки и указанія на среду, чрезъ которую царевна Софья боролась съ Петромъ, какъ бы они ни были темны, служили поводомъ къ строгому разслѣдованію особенно при намекѣ на колдовство, въ которомъ могла скрываться порча, отравы.